

"Искусная промышленность"
г. Москва
19 ноября 1977г.

САМАЯ НЕНАСТОЯЩАЯ МЕБЕЛЬ

Вот трон царя Федора Иоанновича. Вот пальцы, на которых вышивала золотом царица Ирина Федоровна. Рядом стулья карельской березы — обстановка дома Фамусовых. Отдельно стоит мебель из пьесы «Признание» С. Дангулова. Укрыт холстом стул, на котором будет сидеть артист Ю. Каюров, исполняющий роль В. И. Ленина. Мебель самых разнообразных эпох и стилей можно увидеть здесь, на складе бутафории Малого театра. Над ее созданием трудится много людей. Один из них — мастер-краснодеревщик Евгений Федорович Корнев. В театре он с 1944 года. Я прошу Евгения Федоровича хотя бы примерно подсчитать: сколько же за эти годы изготовлено бутафорской мебели? Он задумывается:

— В год у нас ставится пять-шесть новых спектаклей. Для каждого нужно в среднем три новых предмета. В театре я работаю 33 года... Почти полтысячи.

— Да, — вступает в разговор Иван Алексеевич Воронин, пришедший в театр в 1929 году, — если выставить всю мебель, которую мы с Женей сработали, на площади Свердлова перед театром, она бы всю эту площадь заняла.

— А зачем делать мебель специально для театра? Может, легче купить?

— Иногда так и делают, — говорит Е. Корнев. — Например, для пьесы из современной жизни. Но мебель ведь предназначена для того, чтобы стоять на одном месте, а у нас ее таскают взад-вперед: то репетиция, то спектакль... Словом, через некоторое время она все равно попадет к нам на ремонт. Кроме того, настоящая мебель тяжела. Мы же делаем мебель легкую и прочную. Иногда внутри полую. Приносим вместо тяжелых пород легкие. Попробуйте поднять трон.

Я трогаю массивный на вид царский трон, он легко двигается по полу.

— Еще нужно, чтобы мебель удовлетворяла требованиям художника: она ведь соз-

дает оформление всего спектакля. И мы должны мебель «вписать» в его видение сцены. Иной раз он такую мебель нарисует, что и в жизни-то не существует. И вот делаем мы, переделываем. Самим многое приходится придумывать.

Вот мебель к спектаклю «Горе от ума». С виду карельская береза, а на самом деле крашеная сосна. А вот стол для спектакля «Эта маленькая Земля». Дорогой, полированный? Да нет — доски, фанера, только покрыт он особой пленкой.

И действительно, даже не из зрительного зала, а с расстояния двух метров — иллюзия полная.

— Откройте вот этот ящик, — улыбаясь, продолжает Евгений Федорович. — Не выходит? Он и не открывается. Это не нужно по ходу пьесы. Или стол. К примеру, он стоит к зрителям «спиной». Зачем тогда нам делать ящики для его «лица» — все равно зритель их не видит. Рядом книжный шкаф из пьесы «Признание» — у него нет задней стенки. Бутафоры поставят перед спектаклем на его полки корешки книг, дырка на месте задней стены закроется. Вот роуль: очень похож на настоящий — только немного поменьше. И играть на нем нельзя.

Я подхожу, стучу: раздается дребезжащий звук — роуль фанерный.

Подходим к сцене. Не привычно со стороны зала, а из-за кулис. Идет репетиция спектакля «Любовь Яровая», постановку которого коллектив Академического Малого театра посвятил 60-летию Октября.

Пока зрительный зал пуст. Но скоро его заполнят зрители. Вряд ли они заметят скромный стол с зеленым сукном, который сделал мастер Евгений Федорович Корнев. Но от того, что фамилия краснодеревщика Корнева не указана в театральной программе, его дело не становится менее важным и нужным.

— Мы «обманываем» зрителей, — часто в разговоре со мной говорил Евгений Федорович. — В том смысле, в котором «обманывают» зрителей режиссер, художник, актеры, предлагая им видеть на сцене царские покои, а не груды раскрашенных деревяшек. Видеть Годунова, Шуйского, Мстиславского, а не наших разодетых в парчу современников... И если «обман» удастся, если бутафорский стол или поддельные бронзовые колонны будут приняты за настоящие, то это будет шагом — пусть не очень большим — искусства театра к сердцу зрителя, шагом к тому, чтобы он принял драму Любови Яровой не как бутафорскую поделку, а как настоящую, правдивую жизнь.

С. ЛИТВИНОВ.

г. Москва.